

Э. М. Айрапетян, Н. Н. Покровская, А. Б. Черных

Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний

E. M. Hayrapetyan, N. N. Pokrovskaia, A. B. Chernykh. Sociological Analysis of Labor and Intellectual Migration of Young People in the Knowledge Economy

В статье авторами установлено, что фундаментальные социологические теории изучения миграции раскрывают мотивы принятия индивидом и домохозяйствами решения о миграции, изучают социальные факторы и последствия разворачивания миграционных процессов. Происходящие в обществе структурные изменения, обусловленные как инновационным характером экономического роста в целом, так и цифровизацией, расширением информационно-телекоммуникационных технологий, предполагают восприятие феномена миграции не только как территориального перемещения населения в пространстве на длительный период. Цифровизация и развитие дистанционных форм работы снижает потребность в физической концентрации человеческих ресурсов, что позволяет людям выбирать наиболее комфортные места для проживания. Особое внимание уделяется диаспоре, которая является одним из важных инструментов решения коммуникативных трудностей. Социологический анализ миграционных процессов в Армении иллюстрирует применение основных понятий, в частности сетевой миграции и опоры на диаспору.

Ключевые слова: человеческий капитал, цифровая миграция, интеллектуальная миграция, сетевизация, цифровизация, диаспора.

Fundamental sociological theories of migration study reveal the motives for an individual's and households' making decision to migrate, as well as the social factors and consequences of the unfolding of migration processes. Structural changes taking place in society caused by both the innovative nature of economic growth as a whole and the digitalization and expansion of information and telecommunications technologies imply the perception of the phenomenon of migration not only as a territorial movement of the population in space for a long period. Digitalization and development of remote forms of work, in particular, reduces the need for physical concentration of human resources, which allows people to choose the most comfortable places to live. Special attention is paid to the Diaspora, which is one of the important tools for solving communication difficulties. The sociological analysis of migration processes in Armenia illustrates the application of the main concepts, in particular, networked migration and reliance on the Diaspora.

Keywords: human capital, digital migration, intellectual migration, networking, digitalization, diaspora.

Эдгар Мурадович Айрапетян — главный специалист Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, аспирант кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Надежда Николаевна Покровская — профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор социологических наук, профессор.

Антонина Борисовна Черных — доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук.

© Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б., 2020

Контактные данные: Э. М. Айрапетян: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 575-02-87; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru | Н. Н. Покровская: 197046, Санкт-Петербург, Малая Посадская ул., д. 26; 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29; (812) 294-09-01; e-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru | А. Б. Черных: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 575-11-24; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

Contact Details: E. M. Hayrapetyan: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 575-02-87; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru | N. N. Pokrovskaya: Malaya Posadskaya Str. 26, St. Petersburg, 197046, Russian Federation; Politehnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, 195251, Russian Federation; (812) 294-09-01; e-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru | A. B. Chernykh: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 575-11-24; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

Миграционные процессы составляют актуальный предмет исследования ввиду ряда причин. К ним относятся следующие:

- человеческое общество (как и сообщества внутри него) изначально формировало системы распознавания «свой — чужой», что в повседневной жизни приводит к попыткам «списать» значительную часть возникающих сложностей или негативных событий на «чужих», а в условиях открытого доступа к информационному пространству широкое обсуждение влияния «чужих» (по культурным, этническим, религиозным признакам) приводит к переходу от публицистических дискуссий к научному анализу происходящих в действительности процессов;
- экономика знаний и постмодернизация общества привели к возрастанию значимости человеческого ресурса, осознание необходимости и эффективности инвестирования в человеческий капитал поставило еще во второй половине XX в. вопрос об утечке умов, о государственном и частном, корпоративном финансировании науки, образования и здравоохранения, а также о возможности использовать «объекты инвестирования» (людей) на территории того государства или региона, которые формируют необходимую инфраструктуру и вкладывают денежные и административные ресурсы в социальную сферу;
- структурные изменения, вызванные как инновационным характером роста экономики в целом и цифровизацией, расширением информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) в частности, так и сменой технологического уклада, эволюцией базовых регулятивных механизмов в постсовременном обществе, требуют привлечения человеческих ресурсов в отраслях и регионах, где недостаточно сформирован человеческий потенциал для решения экономических задач. Данный факт приводит к интеллектуальной и трудовой миграции. Например, когда эмигрируют программисты или врачи, привлеченные особыми условиями, созданными государственной политикой или корпоративными системами (включая не только заработную плату, но и социальную инфраструктуру, реализующую заботу о пожилых родственниках и детях, о здоровье, образовании и досуге всех членов семьи).

Перечисленные три группы факторов не исчерпывают всех аспектов актуальности изучения миграции, но позволяют сформулировать важнейшие вопросы, которые ставятся, в частности, в рамках социологического анализа трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в контексте инновационной экономики знаний. Цифровизация дополняет эти вопросы «скрытой» трудовой миграцией, в рамках которой не происходит территориального перемещения населения, но

осуществляется передача процесса и результата труда зарубежным экономическим субъектам, например, если компания из США открывает колл-центр в Шри-Ланке, где население говорит на английском языке, или западноевропейская фармацевтическая корпорация создает исследовательское подразделение в России, где еще сохранились высококвалифицированные специалисты.

Изложенное выше приводит к необходимости уточнить, как трактовать понятие миграции. Можно выделить следующие группы подходов:

- миграция — это территориальные перемещения населения в физическом пространстве на длительный период (длительность может определяться месяцами или годами), которые предполагают смену места проживания [1, с. 73]; т. е. такая форма пространственной мобильности, при которой «население перемещается из одного населенного пункта в другой, и... перемещение сопровождается сменой постоянного места жительства» [2, с. 5];
- миграция включает в себя социальное движение населения, в трактовке П. А. Сорокина [3] — перемещение человека на позициях, в том числе образование, профессиональный выбор (социопрофессиональная миграция), социальное положение («социальные лифты» и социальная мобильность) и другие категории социокультурного, политического, экономического порядка. В частности, урбанизация предполагает, прежде всего, смену образа жизни и организации жизнедеятельности [4, с. 13–14], в этой же группе актуален анализ мотивации к переезду, нишевого этнического предпринимательства и групповой солидарности иммигрантов [5, с. 105–107];
- миграция как перемещение процессов применения человеческого фактора, ресурса, человеческого капитала без подвижности физических субъектов, людей, в частности, скрытая трудовая миграция, состоящая в выводе процессов и результатов труда. Следует упомянуть и о всемирном доступе к информационным ресурсам, дающем доминирующее положение в обществе [6, с. 32] с точки зрения престижа и экономических выгод [7, р. 145]. Блогер может проживать в любом месте (например, Тайланде), но получать доход от своих публикаций в социальной сети Facebook (США) и платить налоги в России [8, с. 79–88]. Условия миграции финансовых потоков и доходов, роялти также выступают предметом изучения, поскольку определяют перемещение интеллектуального капитала [9, р. 711], например, регистрацию патента на изобретение или открытие в иной стране, чем страна происхождения инженера, ученого и страна создания конкретного интеллектуального продукта.

Наконец, можно различать международную (внешнюю [10]) и внутреннюю [11] миграцию, межрегиональную [12, с. 83–85] и локальную, вплоть до маятниковой миграции [13, с. 52–53] (например, утреннее движение населения в промышленные районы мегаполиса из спальных кварталов или пригородов). Цифровизация и развитие удаленных форм работы снижает необходимость физической концентрации человеческих ресурсов, что позволяет людям выбирать наиболее комфортные для них места проживания.

Следует отметить общий мотив «пространственной активности» индивида, «направленной на овладение ресурсами новых территорий» [14], в котором выделяется ресурсная ориентация миграции. Социально-экономический подход к анализу миграции показывает, что «овладение ресурсами новых территорий» обращено не только к экономическим выгодам, но нередко направлено на обеспечение долгосрочного социального позиционирования семьи, включая миграцию

«ради благополучия детей», ради «нормальных условий жизни семьи», социальной инфраструктуры и чувства защищенности и порядка.

Социологический анализ миграции направлен на изучение социальных, социально-политических (безопасность, бегство от военных конфликтов или криминальной обстановки), социально-экономических (образовательная, трудовая миграция, интеллектуальная миграция в случаях, если мотивом выступает разница в оплате труда высококвалифицированных сотрудников), социокультурных и социально-психологических факторов, определяющих успешность всех этапов миграционного процесса: 1) планирование отъезда; 2) разрыв социальных связей на месте происхождения; 3) адаптация и интеграция в принимающем обществе, инкультурация и социализация в новых условиях.

Т. Н. Юдина пишет о том, что предметом социологии миграции является «динамика изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума» [15, с. 106]. Следует, вероятно, дополнить это определение сопоставлением, которое индивид осуществляет между разными социумами, прежде чем принять окончательное решение, сделать выбор в пользу того или иного направления и адреса, начать готовиться к миграции. Так, новосибирская школа социологии рассматривает миграционные процессы как систему, где происходит серия событий, каждый единичный акт которого представляет собой выбытие и затем прибытие [16, с. 55–65], причем включает в социологический анализ как акты смены места проживания, так и подготовительные, а также адаптационные периоды. Кроме того, социология миграции изучает и поведение мигранта, и реакцию исходного, а особенно принимающего общества. Так, исследователи полагают, что «Великобритания отгораживается от других стран Европы, столкнувшись с проблемой на уровне 3–5 чел. миграционного прироста на 1 000 жителей» [17, с. 135]. Социальная интеграция мигрантов представляет собой предмет как социологического анализа, так и регулирования на уровне государственной политики и управления.

Проблемы исходных обществ, как правило, касаются не только трудовой миграции в целом (хотя значимость отъезда молодых трудоспособных категорий населения, прежде всего, мужского пола, велика), но в первую очередь, интеллектуальной миграции молодежи. Так, в 2019 г., согласно исследованиям Левада-центра, желание «покинуть страну» выразили 53 % опрошенных 18–24 лет [18]. Проблема утечки умов (*brain drain*, что в переводе означает «утечка мозгов») носит и прямой характер экономических потерь средств, которые государство инвестировало в здравоохранение и образование, пока дети росли и достигали возраста совершеннолетия, и косвенный — наряду с не полученными от уезжающих человеческих ресурсов доходами [19]. Государство сталкивается со снижением мотивации и «качества» (с точки зрения возрастной структуры и структуры населения по уровню квалификации и образования, а нередко и экономических отраслей занятости) оставшегося населения. Хотя нередко наблюдаются финансовые потоки, которые работающая за рубежом молодежь направляет в исходную страну старшим родственникам [20, с. 261–268] для поддержки семьи в целом. Тем не менее производственные и творческие возможности в стране снижаются из-за оттока наиболее инициативной экономически активной части населения [21, с. 28–33]. Более того, как правило, экономические мотивы миграции приводят к тому, что, как показали исследования, уезжают наиболее мотивированные и трудоспособные индивиды, обладающие высокой трудовой культурой [22, с. 198–224], что препятствует инновационному развитию исходного региона [23, с. 39–41].

Важным предметом исследования служит образовательная миграция молодежи. Так, в исследованиях обращено внимание на центростремительные тенденции пространственного перемещения молодежи в мегаполисы в целях получения высшего образования [24, с. 742–763]. Аккумуляция молодежи в научных и образовательных центрах приводит к повышению экономического потенциала таких городов. Вместе с тем нередко наиболее активные молодые люди не останавливаются на этом и уезжают в наиболее привлекательные регионы, тем самым создавая уже отмеченную проблему потери инвестиций в человеческий капитал.

Базовая модель, первоначально разработанная для объяснения миграции в процессе экономического развития в работах Хикса (1932) [25], Льюиса (1954) [26], Харриса и Тодаро (1970) [27; 28], свидетельствует о том, что миграция является результатом фактических различий в заработной плате между рынками или странами, которые возникают из неоднородных степеней ограниченности рынка труда. Согласно этой теории, миграция обусловлена географическими различиями в предложении и спросе рабочей силы, вытекающими из этого различиями в заработной плате между богатыми рабочей силой и богатыми капиталом странами. Миграция, таким образом, приводит к снижению среднего уровня оплаты труда. Вместе с тем для миграции необходимы затраты, т. е. трудовыми мигрантами, как правило, не являются наиболее бедные слои населения исходных стран [29]. В расширенных неоклассических моделях миграция определяется ожидаемым, а не фактическим доходом, и ключевой переменной служит доход, взвешенный по вероятности занятости [30].

Л. Саастад (1962) [31] рассматривает международную миграцию как селективный процесс: отток «вытягивает» людей с определенными социально-демографическими и личными особенностями характеристик. Исследователь оценил соотношение затрат и выгод миграции с позиций индивида или домохозяйства, показал, что рациональный человек мигрирует с целью максимизации своих выгод в условиях, когда в исходной стране отсутствуют возможности получения дохода и социального развития, люди не могут удовлетворить денежные и карьерные ожидания. В результате качества мигрантов определяет их человеческий капитал: навыки, профессия и положение на рынке труда, а также возраст, семейное положение, пол, предпочтения и ожидания [32], причем с возрастом вероятность миграции снижается, а с уровнем образования — возрастает. Л. Саастад предлагает рассматривать затраты на миграцию как инвестирование мигранта в свой человеческий капитал. Селективность миграции «означает, во-первых, что мигранты отличаются по своим свойствам от принимающей и посылающей популяции, во-вторых, что мигранты, принадлежащие к миграционным потокам различных типов, имеют разные характеристики, и, в-третьих, что на разных стадиях миграционного процесса мигранты различаются между собой по своим индивидуальным и групповым показателям» [33, с. 62].

Социологический теоретический анализ миграции показывает, что на принятие решения о миграции влияют различные группы факторов (*“pull” and “push” factors*): выталкивающие (характеризующие территорию выбытия), притягивающие (связанные с территорией прибытия) и промежуточные, касающиеся как территорий (например, расстояние, язык), так и мигрантов (например, возраст, семейное положение) [34, р. 47–50]. Миграция определяется соотношением этих сил. К числу притягивающих факторов (*“pull” factors*) относятся позитивные аспекты страны назначения, такие как высокий уровень оплаты труда, экономическое благосостояние, экологическое благополучие, безопасность, свобода вероисповедания и т. д. К числу выталкивающих (*“push” factors*) — негативные обстоятельства в стране отправления, т. е. безработица, высокий уровень налогоо-

бложения, политическая или экономическая нестабильность, нарушение прав человека и т. д. Особое внимание уделяется промежуточным факторам, действующим между страной отправления и страной назначения, включая всевозможные барьеры на пути перемещения потенциального мигранта: стоимость переезда, расстояние, необходимость наличия входных и/или выездных виз и т. п. Зачастую именно промежуточные факторы оказывают решающее воздействие на принятие решения о миграции. Концепция «тяги-толкай» нашла отражение в советских исследованиях [35], были отмечены и ее недостатки. Среди них — неоднозначность суждения о «знаке» ряда мотивов, т. е. является ли, например, высокая толерантность принимающего общества привлекательным, положительным или негативным, отталкивающим фактором, вплоть до «перехода положительных факторов в отрицательные и наоборот» [36, с. 184].

Кроме того, решения о миграции принимаются не отдельными субъектами, а, как правило, семьями или домохозяйствами [37]. При этом значение имеют не только максимизация дохода от миграции и привлекательная заработная плата на рынке труда принимающей страны, но и комплекс «взаимодействий людей, мотивации и контекста» [38, р. 16], включая минимизацию риска для финансового благополучия домохозяйств. Д. Массей пишет, что «рационально действующий субъект ищет возможности преодолеть имеющиеся в его стране недостатки... путем временного трудоустройства за рубежом с целью перевода на родину денег в форме регулярных или накопленных сумм» [39, р. 144].

Наряду с рассмотренными теориями миграции следует выделить такие концепции, как стигматизация рабочих мест и видов деятельности, обычно выполняемых мигрантами [40, р. 284–288]; теория двойного рынка труда, на котором выделяются не приемлемые для местного населения статусы рабочих мест, выполнение низкоквалифицированной работы требует притока мигрантов [41]; социологический и социально-антропологический подход к изучению миграционных сетей [42, с. 65–105]; географическая теория миграционных систем, отражающая кумулятивный эффект от каждого акта миграции, меняющего социально-культурное и институциональное пространство обеих территорий выбытия и прибытия [43].

Можно выделить социологический анализ коммуникационных проблем, связанных с миграцией. Так, эти проблемы существенно различаются в случаях миграции между бывшими колониями и метрополиями и между независимыми странами: население периферийных стран, как правило, владеет языком метрополии, что упрощает миграцию, хотя и остаются барьеры культурного пространства, поведенческих моделей, вероисповедания. Один из значимых инструментов решения коммуникационных трудностей — диаспоры, помогающие мигранту вернуть «экзистенциальную стабильность на время адаптации в новой культурной среде... для травмированной сменой идентификации личности» [44, с. 60–68]. Так, по данным Национальной библиотеки Армении, в 1917 г. существовало 202 миграционных поселения («колонии») армян, распространявшихся от Мадраса в Индии в Австралию, Аргентину, Эфиопию, Северную Америку.

Существуют также сведения о постепенной эмиграции армян из Османской империи в США и Европу, которая происходила до 1895 г. [45, р. 67]. До 1915 г. большинство армян были сельскими жителями, преимущественно специализированными ремесленниками [46], но были и успешные армянские торговцы, купцы, предприниматели в провинциальных центрах, в частности в османской столице — Константинополе (Стамбуле) [47]. Массовые убийства в 1894–1896 и 1909 гг., геноцид 1915–1916 гг. вызвали массовое бегство выживших [48]. В 1894–1896 гг. около 100 000 армян нашли убежище в других странах [49], причем не

только по соседству, но и в трансатлантических странах: в 1895–1899 гг. около 70 980 армян уехали в США [50, р. 18]. Армянские диаспорные поселения существовали с момента потери армянской государственности в I в. Они значительно увеличились в размерах и количестве после 1915 г., крупные армянские общины возникли и на Дальнем Востоке России, а также в бывших советских республиках [51, с. 19]. По экспертным оценкам, сегодня количество армян в мире оценивается от 8 до 9 млн чел. [51, с. 19]. В таблице 1 приведены следующие примерные оценки численности армян, проживающих в Армении (3,216 млн чел.) и за ее пределами.

Таблица 1

**Численность наиболее крупных армянских диаспор в мире
(оценочные данные за 2018 г.), чел.**

Страна проживания	2018
Россия	1 130 491
США	1 000 000
Франция	500 000
Иран	400 000
Грузия	248 000
Сирия	190 000
Ливан	140 000
Нагорно-Карабахская Республика	138 000
Аргентина	130 000
Украина, Польша	90 000–100 000

Источник: составлено Э. М. Айрапетяном на основе данных Аппарата главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения. URL: <http://www.mindiaspora.am/> (дата обращения: 20.04.2020).

Из таблицы 1 видно, что численность только 10 наиболее крупных армянских диаспор в полтора раза больше населения Армении. Вместе с тем приведенные данные носят оценочный характер и опираются на опросы и экстраполяцию статистических данных, поскольку значительная часть проживающих в других странах армян имеют гражданство соответствующих стран и не имеют армянского гражданства. Кроме того, миграционные процессы в мире не остановились, происходят дальнейшие процессы перемещения армян между государствами мира, как индивидов, так и семей, а также возвратные движения в Республику Армения.

В частности, в период после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. репатриация являлась мощным источником роста общей численности населения Армении, поскольку Советский Союз оказывал существенную поддержку армянам в вопросах решения проблем с жильем и занятостью [52]. Тем не менее после распада СССР миграционные процессы приобрели заметное смещение в сторону эмиграции из Армении в другие страны. Специалисты высокой и средней квалификации, потерявшие рабочие места, массово покидали Армению и переезжали в Россию, Европу и США. До распада СССР Армения была промышленно развитой страной с тридцатью производственными площадками в Советском Союзе. После распада советской системы потеря рынков и остановка производства во многих областях привели к значительной миграции квалифицированных ра-

бочих, особенно в секторах электроники и машиностроения, химии и легкой промышленности. Многие физики, архитекторы, химики и технические специалисты уехали из страны. В ходе этой волны эмиграции почти 1/5 часть населения покинула Армению, что привело к массовому оттоку умов [53, р. 16].

Социологический анализ миграционных процессов в Армении иллюстрирует и применение основных концепций: сетевизации миграции и опоры на диаспору, интеллектуальной миграции и др. Формируются модели инкультурации в принимающем обществе, которые отражают влияние высококвалифицированных иммигрантов на повышение интеллектуального капитала принимающей страны [54]. Это связано с приращением уровня квалификации и общего уровня образования населения принимающего общества, что положительно влияет на социальные практики за счет статистического эффекта, логики распространения эффективных моделей поведения, социальных норм [55, с. 191–195] и повседневных практик трудового поведения как системы развития человеческого капитала [56, с. 380–388], развития инновационных видов деятельности [57, с. 56], обеспечения социальной безопасности на основе интеграции [58, р. 3], эволюции ценностно-нормативной регуляции [59, с. 101–108] в условиях экономики знаний, когда интеллектуальная деятельность составляет ключевое звено в цепочках создания ценности [60, р. 85].

Миграционные процессы, затрагивающие образовательную, научную и профессиональную интеллектуальную деятельность, оказывают существенное влияние на развитие государств [61, с. 5–10]. Это требует особого внимания государства к проблеме формирования грамотных и дифференцированных подходов к регулированию миграции [62]. Государственное регулирование миграционных процессов особенно значимо в кризисные моменты, такие как пандемия и условия, близкие к карантинным, в которых сегодня оказались практически все страны мира. Российское руководство проявило мудрость, продлив действие всех документов, разрешающих пребывание и работу на национальной территории для мигрантов, оказавшихся в условиях пандемии в России. Но эти критические ситуации могут и должны быть включены в систему регулирования миграции, что в особенно затрагивает иностранных студентов, обучающихся в российских образовательных учреждениях.

В контексте цифровой экономики знаний целесообразно расширить социологический анализ миграционных процессов с учетом таких явлений, как цифровая миграция, удаленная работа, проектные формы занятости, создание и развитие виртуальных предприятий, сотрудниками которых являются граждане разных государств, проживающие на различных территориях (не всегда совпадающих с их гражданством). Цифровизация расширит меры государственного контроля миграции с учетом технологических возможностей распознавания лиц, спектрального и инфракрасного анализа с применением дронов, а также будет способствовать развитию инновационных механизмов привлечения высококвалифицированных специалистов на основе мер регулирования и поддержки интеллектуальной миграции молодежи.

Литература

1. Вечканов Г. С. Миграция трудовых ресурсов в СССР. Политико-экономический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 143 с.
2. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 527 с.
4. Миграция сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 347 с.
5. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.

6. Турэн А. Социальные движения, революция, демократия // Свободная мысль. 1991. № 14. С. 32–43.
7. Strangio D., Pokrovskaja N. N., D'Ascenzo F. History, Creativity and Innovation of the 'Italia' Network. The case of Russia // Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018). Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.
8. Покровская Н. Н., Яковлев М. М. Международное налогообложение и регулирование: учебник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 129 с.
9. Pokrovskaja N. N. Tax, Financial and Social Regulatory Mechanisms Within the Knowledge-driven Economy. Blockchain Algorithms and fog Computing for the Efficient Regulation // Proceedings of 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements. IEEE Explore, 2017. P. 709–712.
10. Дементьев Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности России // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7. С. 38–41.
11. Жидкевич Н. Н. Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 1 (84). С. 73–89.
12. Фэн В., Покровская Н. Н., Чуньчан Х. Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // Человек и труд. 2007. № 8. С. 80–87.
13. Цырюльников В. С. Маятниковая миграция в контексте управления движением трудовых ресурсов: проблемы и перспективы (по материалам Московского региона) // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2013. Т. 2. № 1. С. 52–53.
14. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): учеб.-метод. пособие. М., Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального института, НПО «МОДЭК», 2004. 294 с.
15. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.
16. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 55–66.
17. Пруель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионология. 2020. № 1 (110). С. 133–158.
18. Левада-центр: 53 % молодых россиян хотят уехать из страны // Ведомости. 2019. 26 ноября.
19. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: сб. науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. С. 419–426.
20. Саакян А. К., Покровская Н. Н. Методологические подходы к анализу влияния денежно-кредитных и валютно-финансовых отношений на миграционную динамику: сб. науч. ст. Гаварского государственного университета. № 3. Гавар (Армения): Гайкарли, 2017. С. 258–270.
21. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Подходы к изучению российско-итальянской интеллектуальной миграции // Актуальные проблемы социологии и управления: межвуз. сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 27–35.
22. Бахиян А. Ж., Покровская Н. Н., Оганян К. М., Саакян А. К. Ценностные ориентации в трудовом поведении и кросс-культурное исследование трудовой миграции. Ереван: Эдит Принт, 2012. 372 с.
23. Фешина С. С., Славянов А. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития северо-западного региона России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 24. С. 38–43.

24. Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI:10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763
25. Hicks J. R. The Theory of Wages. London: Macmillan, 1932. 247 p.
26. Lewis W. A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. Vol. 22. No. 2. P. 139–191.
27. Harris J., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // American Economic Review. 1970. Vol. 60. No. 1. P. 126–142.
28. Todaro M. P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // American Economic Review. 1969. Vol. 59. No. 1. P. 138–148.
29. Faist Th. The Volumes and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Clarendon Press, 2000. 380 p.
30. Bauer Th., Zimmermann K. F. Assessment of Possible Migration Pressure and its Labor Market Impact Following EU Enlargement to Central and Eastern Europe. A Study for the Department of Education and Employment in UK // IZA Research Report. No. 3. 1999.
31. Sjaadstad L. The Costs and Returns of Human Migration // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 80–93.
32. Bonin H. [et al.] Geographic Mobility in the European Union: Optimising its Economic and Social Benefits // IZA Research Report. No. 19. 2008. P. 1–159.
33. Мхитарян В. С., Рuce И. Анализ селективности в миграционных потоках в Израиль в 1974–2001 годах // Вопросы статистики. 2005. № 7. С. 61–66.
34. Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
35. Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни: Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М.: Наука, 1975. 287 с.
36. Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2004. 285 с.
37. Stark O. The Migration of Labor. Cambridge: Basil Blackwell, 1991. 406 p.
38. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the end of the Millennium. Clarendon: Oxford University Press, 1998. 380 p.
39. Massey D. A Synthetic Theory of International Migration // World in the Mirror of International Migration / ed. by V. Iontsev. М.: MAX Press, 2002. P. 143–153.
40. Arango J. Explaining Migration: a Critical View // International Social Science Journal. 2000. No. 52. P. 283–296.
41. Piore M. J. Birds of Passage. Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 240 p.
42. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 61–105.
43. Haas de H. Migration Systems Formation and Decline. A Theoretical Inquiry into the Self-perpetuating and Self-undermining Dynamics of Migration Processes / International Migration Institute Working Paper no. 19. Oxford: Oxford University Press, 2009.
44. Аносова Т. Ф., Кирилук С. С. Диаспора — оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 7. № 1. С. 60–68.
45. Hagopian G. The Immigration of Armenians to the United States // The Armenian Review. 1988. Vol. 41. No. 2/162. P. 67–76.
46. Kulhanjian G. A. An Abstract of the Historical and Sociological Aspects of Armenian Immigration to the United States, 1890–1930. San Francisco: R&E Research Associates, 1975. 83 p.
47. Karakashian M., Poghosyan G. Armenian Migration and a Diaspora: a Way of Life // Adler, L. Gielen, U. World Migration. New York: Greenwood Publishing Group, Inc. 2003. 229 p.
48. Mirak R. Torn Between two Lands: Armenians in America 1890 to World War I. Cambridge, MA: Harward University Press, 1983. 364 p.
49. Dadrian V. The History of Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balcans to Anatolia to the Caucasus. Providence, RI: Belghahn, 1995. 452 p.

50. *Tashjian J. H.* The Armenians of the United States and Canada. Boston: Hairenik Press, 1947. 62 p.
51. *Погосян Г.* Миграция и депопуляция в Армении: монография. Ереван: Лимуш, 2017. 200 с.
52. Migration and Human Development: Opportunities and Challenges // UNDP, National Human Development Report, Armenia, 2009. 169 p.
53. *Makaryan G., Galstyan M.* Costs and Benefits of Labour Mobility Between the EU and the Eastern Partnership Partner Countries // Country report: Armenia. Yerevan, 2012. 74 p.
54. *Безбородова Т. М.* К вопросу о социально-экономической природе миграции трудовых ресурсов в Россию из стран ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2010. № 1. С. 76–80.
55. *Покровская Н. Н.* Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 1. С. 190–198.
56. Управление персоналом и человеческий капитал современной России: коллективная монография / под ред. О. Я. Гелиха, В. П. Соломина, Г. Л. Тульчинского. СПб.: ООО «Книжный дом», 2011. 416 с.
57. *Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А.* Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.
58. *Margulyan Y. A., Pokrovskaya N. N.* Migration as a Factor of Social Security in the Modern Society // Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics. 2015. Vol. 1. No. 16. P. 3–18.
59. *Покровская Н. Н.* Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100–110.
60. *Florida R.* The Globalization of R&D: Results of a Survey of Foreign-Affiliated R&D Laboratories in the USA // Research Policy. 1997. No. 26. P. 85–103.
61. *Аганбегян А. Г.* Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2016. № 2. С. 5–14. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2016-2-5-14
62. *Хорев Б. С., Тимчук Н. Ф.* Моделирование и регулирование миграционной подвижности населения в системах расселения // Миграционная подвижность населения в СССР / под ред. Б. С. Хорева, В. М. Моисеенко. М.: Статистика, 1974. 159 с.